

ИДЕОЛОГИ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА О ПРАВОСОЗНАНИИ КАК БАЗОВОМ ЭЛЕМЕНТЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В.В. ВОСТРИКОВА

*Всероссийский заочный
финансово-экономический
институт
(филиал в г. Орле)*

e-mail: vostr68@mail.ru

Рассмотрена трактовка проблемы правосознания в российской либеральной мысли начала XX века. Показано восприятие либералами правосознания как психического феномена, в основе которого лежит чувство законности, формирующееся у индивида под воздействием ряда факторов. Представлен анализ либеральными деятелями специфики российского правосознания, характерной чертой которого признавался правовой нигилизм. Сделан акцент на обосновании представителями отечественного либерализма важности преодоления правового нигилизма, воспитания в массах уважения к праву как социально дисциплинирующей системе. Отмечена идея либералов о взаимообусловленности уровня правосознания в обществе и верховенства закона, выступающих в качестве базовых элементов правового государства.

Ключевые слова: право, правосознание, правовое государство, верховенство закона, правовой нигилизм, правовой дуализм, правовой менталитет, правоприменение, чувство законности, либерализм.

Важнейшим фактором успешности модернизации и одновременно одной из ее составляющих является адекватная трансформация общественного сознания. Ведь, в конечном счете, перспективы выстраивания жизни в новых институциональных формах во многом зависят от их подкрепления соответствующими изменениями в сознании и в мотивациях каждого конкретного человека. В этом плане создание правового государства требует определенного уровня правосознания населения. Данная проблема имеет особую значимость для постсоветской России в связи с переходом от тоталитарного государства к правовому. В несколько ином ракурсе этот вопрос уже привлекал внимание представителей отечественной либеральной мысли столетие назад. Тогда, рассматривая перспективу трансформации авторитарного государства в правовое, идеологи нового либерализма пытались осмыслить специфику российской правовой культуры. Обращение к их интеллектуальному опыту сегодня весьма актуально, ибо многие базовые составляющие последней оказались чрезвычайно устойчивы.

Следует отметить, что взгляды либералов начала XX века на правосознание привлекали внимание исследователей¹. Однако в контексте переосмысления модели правового государства, разработанной идеологами нового либерализма (кадетской ориентации), представляется целесообразным комплексный анализ представлений о правосознании именно создателей данной модели. В таком ракурсе проблема правосознания в историографии освещения не получила.

Рассматривая феномен правосознания, отечественные либералы главную роль отводили правовой психологии. Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, в основе правосознания лежит чувство законности, относящееся к тому же разряду психических состояний, что и совесть. Чувство законности – это индивидуальное отношение к праву, бессознательное побуждение соблюдать законы, возникающее не в силу боязни нака-

¹ Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25-40; Мезенцева Я.В. Проблемы формирования российского правосознания в трактовке русских юристов второй половины XIX – начала XX веков (историко-правовой аспект). Дисс. на соиск. уч. степ. к.ю.н. СПб., 2004; Скворцов В.П. Либерально-демократические идеи о государстве и праве в учении Б.А. Кистяковского. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ю.н. Тамбов, 2002.

зания в случае неповиновения правовой норме, а в силу привычки следовать установленным правовым нормам. В случае нарушения последних, указывал Шершеневич, человек, наделенный чувством законности, испытывает такое же неприятное ощущение, как при совершении какого-либо безнравственного поступка². Л.И. Петражицкий также видевший в основе правосознания правовые переживания или эмоции, указывал на их особую мотивационную силу по сравнению с нравственными эмоциями. В частности, отмечал он, «атрибутивное сознание долга, сознание правового долга, т.е. вместе с тем и права другого, оказывает более сильное давление на поведение, вызывает более неуклонно соответственное поведение, нежели чисто императивное сознание долга, сознание чисто нравственного, без права для другого, долга»³.

Либералы указывали на двойственный характер правовых эмоций. С одной стороны, последние включали осознание индивидом прав других членов общества и воздержание от нарушения этих прав (по терминологии Петражицкого, пассивная правовая мотивация), а, с другой, понимание индивидом своих прав и стремление отстаивать свои права в случае посягательства на них кого бы то ни было (по терминологии Петражицкого, активная правовая мотивация). Причем, с точки зрения Шершеневича, активная защита гражданином своих прав отвечала не только индивидуальным, но и общественным интересам, ибо, позволяя безнаказанно нарушать свои права, индивид разрушает чувство законности в виновных, тем самым невольно содействуя падению уровня правосознания в обществе в целом⁴.

Формирование правового сознания воспринималось либералами как длительный и сложный процесс, обусловленный взаимодействием множества факторов. Одним из них Шершеневич считал правовой менталитет, характерный для той или иной национальности и усваиваемый индивидом с раннего возраста в процессе социализации. Однако либерал отмечал вторичность данного фактора, ибо первоначально правовой менталитет должен был сформироваться сам. Таким первичным фактором для либералов выступала политическая практика – соблюдение закона властью. Как указывал Шершеневич, принцип законности в управлении имеет огромное значение для воспитания в гражданах чувства законности. Вместе с тем, либерал акцентировал внимание на взаимной обусловленности чувства законности и законности управления. «Если в Англии так прочен законный порядок, – писал он, – то причина тому в чувстве законности англичан, но само чувство законности англичан имеет свой источник в законности управления»⁵. Помимо того, желание граждан повиноваться правовым нормам либералы напрямую увязывали с содержанием последних. «Часто игнорируют, что действительное уважение к закону в народе неразрывно связано с определенным содержанием законов, – отмечал по этому поводу П.Б. Струве. – Обыватели нуждаются не только в принципиальном соблюдении закона и отсутствии произвола, но еще более в том, чтобы законы, по содержанию своему, отвечали их духовным и материальным интересам... Уважение к закону живет всего там, где закон в свою очередь всего полнее проникнут уважением к человеческой личности и ее интересам. Английское чувство законности питается всем содержанием английского права, всею полнотою субъективных прав английского гражданина»⁶.

Петражицкий, описывая процесс формирования правовых эмоций, указывал, что многие из них возникли на основе эмоций нравственных, вытекавших зачастую из общих принципов религиозной морали. Так, если первоначально христианские установления сочетались с чисто императивными, нравственными эмоциями, т.е. с

² Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности. Публичная лекция, читанная 10 марта 1897 года профессором Казанского Университета Шершеневичем. Казань, 1897. С. 8–9.

³ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 127.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 13–14.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Философия права. Т. 1. Общая теория права. М., 1911. С. 294.

⁶ Струве П.Б. Право и права // На разные темы (1893–1901). Сб. ст. СПб., 1902. С. 523.

убеждением, что так поступать хорошо, иллюстрировал данную мысль либерал, то постепенно к этому добавилось сознание того, что поведение, противное религиозным заповедям, было бы лишением другого его прав. А согласно теории Петражицкого, это означало превращение нравственного сознания в правовое⁷. Либерал указывал на перманентный характер этого процесса, предугадав дальнейшее расширение содержательных границ понятия правосознания. Подтверждением справедливости мнения Петражицкого является, например, закрепление в правосознании большинства населения стран Запада идеи о необходимости обеспечения государством гражданам права на достойное существование, которое долго воспринималось как милость и благодеяние.

Важное значение в формировании правосознания либералы отводили правовому воспитанию, распространению в обществе элементарных юридических знаний. Причем скорость и глубина восприятия последних, а, следовательно, и формирование правосознания, с точки зрения мыслителей, во многом зависели от уровня образованности индивида. «Чем выше развитие человека, – писал Шершеневич, – тем яснее представляется ему значение правового порядка и его влияние на благополучие каждого члена общества в отдельности, тем сильнее укрепляется в нем сознание необходимости следовать предписаниям закона»⁸.

Еще одним фактором формирования чувства законности некоторые либералы, прежде всего Шершеневич, считали страх перед применением санкции за нарушение нормы права. «Страх перед угрозой, сопровождающей норму права, – отмечал он, – есть основной мотив правового поведения, основанный на эгоизме человека»⁹. Однако этот мотив, указывал либерал, постепенно преобразуется в мотивы иного рода: в привычку соблюдать закон, в уважение к закону и т.д.

Если формирование чувства законности представлялось либералам достаточно протяженным во времени, то обратный процесс, по их мнению, напротив, протекал очень быстро. Стоит по каким-либо соображениям безнаказанно нарушить закон 2-3 раза, отмечал Шершеневич, и привычка повиноваться правовым нормам начинает колебаться, а при повторении подобной практики еще несколько раз и вовсе исчезает¹⁰. И в этом плане особенно опасным либералы считали отступление от законности из чувства справедливости. На личностном уровне это выражалось в отказе гражданина повиноваться несправедливому, с его точки зрения, закону, на общегосударственном уровне – в стремлении облеченных властью, руководствоваться не буквой закона, но собственными представлениями о справедливости. Подобная практика, предостерегал Шершеневич, чревата анархией, внесением полной неопределенности в общественные отношения, ибо понятия о справедливости у всех разные. По его убеждению, справедливость должна лежать в основании законодательной, а не судебной или административной деятельности, т.е. о соответствии закона справедливости надо думать в процессе правотворчества. Если же со справедливостью расходятся действующие законы, то долг каждого гражданина законными средствами содействовать их изменению, а отнюдь не нарушать¹¹. Представители нового российского либерализма солидаризировались с идеей «борьбы за право», выдвинутой Р. Иерингом, утверждавшим, что «право есть непрерывная работа, притом не одной только власти, но всего народа... Всякое отдельное лицо, которому приходит нужда отстаивать свое право, имеет свою долю участия в этой национальной работе, по мере своих сил способствует осуществлению идеи права»¹². Вместе с тем, в либеральной среде практически не нашла поддержки позиция С.А. Муромцева, допускавшего в качестве одного из способов развития положительного права возможность корректи-

⁷ Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 128.

⁸ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 295.

⁹ Там же.

¹⁰ Он же. О чувстве законности... С. 21.

¹¹ Он же. В свою защиту. Казань, 1898. С. 4.

¹² Иеринг Р. Борьба за право // Антология мировой правовой мысли. Т. 3. М., 1999. С. 442.

ровки последнего в процессе правоприменения в соответствии с нравственными воззрениями и чувством справедливости лиц, реализующих право.

По мнению либералов, произвольное отступление от норм действующего права было чревато утратой правом авторитета, что, в свою очередь, могло самым негативным образом отразиться на выполнении правом функции регулятора общественной жизни. Право – единственная социально дисциплинирующая система, отмечал Б.А. Кистяковский, только оно формирует дисциплинированное общество¹³. Отсюда, «по силе и обширности причиняемого бедствия уничтожение права в каком-либо обществе, – заключал Н.А. Гредескул, – можно было бы сравнить с уничтожением в нем всех знаний или всех нравственных понятий и чувств», неизбежным следствием чего было бы водворение общественного хаоса¹⁴. Либералы выступали против политизации права, настаивая на его самоценности и независимости от того, какие политические направления господствуют в стране и правительстве. «Право, по своему существу, стоит над политическими партиями», – утверждал Кистяковский, усматривая в политической неангажированности права залог его авторитета¹⁵.

Размышляя над феноменом правосознания, идеологи нового либерализма постоянно обращались к российским реалиям, дабы адекватно оценить уровень правовой культуры россиян, что имело важное значение в перспективе перехода к правовому государству. И здесь либералы вынуждены были с сожалением констатировать почти полное отсутствие сознания права в народной массе. Не лучше обстояло дело и в отношении интеллигенции, рассматривавшейся либералами в качестве творческой силы, призванной содействовать общественному прогрессу и вести массы за собой. «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне», – писал Кистяковский¹⁶. У идеалистически настроенной интеллигенции, отмечал И.А. Покровский, игнорирование права являлось следствием ее увлеченности метафизическими решениями политических проблем, поисками абсолютной правды, на фоне которых право воспринималось как часть относительного и несовершенного мирского порядка, не только не заслуживающего внимания, но достойного всяческого презрения и отрицания, поскольку он основан на принуждении и потому противоречит требованиям нравственности¹⁷. Интеллигенция материалистического лагеря, указывал Покровский, отрицала самостоятельное значение права ввиду, по ее мнению, вторичного, нетворческого характера права. В последнем она видела лишь санкцию созданного борьбой классов соотношения сил и предпочитала пристально исследовать социальную борьбу как движущую силу истории. Утверждая, что право суть только идеологическая надстройка, материалистическая интеллигенция, отмечал Покровский, уничтожала всякое нормативное значение права, тем самым устраняя его «как инстанцию, стоящую над интересами и имеющую право их судить»¹⁸.

Укорененность правового нигилизма в общественном сознании позволила либералам говорить о кризисе правосознания в России. Глубинной причиной последнего мыслители считали отсутствие «какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни»¹⁹. Но даже в этой ситуации, по мнению Кистяковского, у интеллигенции правовое сознание могло бы формироваться под воздействием разработки правовых идей в литературе. Однако здесь либерал вынужден был отметить «порази-

¹³ Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909-1910 гг. М., 1991. С. 109.

¹⁴ Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Социально-юридическое исследование. Харьков, 1900. С. 2.

¹⁵ Кистяковский Б.А. Наши задачи. М., 1913. С. 11.

¹⁶ Он же. В защиту права (Интеллигенция и правосознание)... С. 110.

¹⁷ Покровский И.А. Перуново заклътье // Из глубины. Сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 223-224.

¹⁸ Там же. С. 226.

¹⁹ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 113.

тельный факт»: отсутствие в русской литературе вплоть до начала XX века какой-либо работы о праве, имевшей общественное, а не только узко специальное значение. Кроме того, указывал либерал, русская общественная мысль, представив разностороннюю разработку идеала личности, выдвигая формулы «критически мыслящей, сознательной, всесторонне развитой, самосовершенствующейся, этической, религиозной и революционной личности», никогда не формулировала идеала «правовой личности» – «личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, ...наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими»²⁰. Негативные последствия неразработанности правовых вопросов в отечественной литературе в плане формирования чувства законности у интеллигенции, с точки зрения Кистяковского, не могли быть перекрыты путем заимствования правовых идей из западной литературы, ибо там они излагались с учетом национальной специфики западных стран, получая «своеобразную окраску и свой собственный оттенок», и не всегда соответствовали особенностям исторического пути и политическим реалиям России²¹.

Казалось бы, указывали либералы, росту правосознания российского общества должны были способствовать реформы конца XIX – начала XX веков, и, прежде всего, судебная реформа 1864 года и введение системы народного представительства в годы первой революции. Однако на деле этого не произошло. Напротив, констатировал Кистяковский, авторитет права в массовом сознании еще больше понизился. И причина такого расхождения посылки и результата, по убеждению либерала, крылась не только в антиправовом характере власти, в несоблюдении ей продекларированных и даже законодательно закрепленных прав граждан, но, прежде всего, в распространенном и в правящих кругах, и среди передовой общественности утилитарном взгляде на право как простое средство для отстаивания корпоративных интересов²². Утилитарность восприятия права у интеллигенции, согласно Кистяковскому, проявлялась и в том, что ее представители видели в праве не правовое убеждение, а лишь принудительное правило. Отсюда склонность интеллигенции к регламентации партийной деятельности, к разработке партийных уставов и т.п. Интеллигенция нуждается в дисциплине внешней, указывал либерал, именно потому, что ей чужды те правовые убеждения, которые бы дисциплинировали ее внутренне. По образному выражению Кистяковского, это уровень правосознания, соответствующий формам полицейской государственности.

Обладая таким правосознанием, интеллигенция не могла научить народ уважать право, более того, подчеркивал Покровский, в темные невежественные массы она бросала лозунги, которые уничтожили даже те минимальные правовые установки, которые там были, разнуздав самые низменные инстинкты, ведущие к разрушению элементарных основ общежития. Следствием этого стали революционные события начала XX века.

Рельефным показателем дефектов российского правосознания для либеральных мыслителей было отношение общества к суду, который рассматривался не как правовая инстанция, а как место борьбы за тот или иной политический идеал. Помимо того, Кистяковский отмечал «поразительное равнодушие» широкой общественности к гражданскому суду, где «затрагиваются самые насущные и жизненные вопросы», от решения которых «зависит упорядочение... общественной, семейной и материальной жизни»²³. Шершеневич причину несимпатии общества к юриспруденции видел в сложившейся у большинства населения вследствие неразвитости правосознания привычке рассматривать каждое дело с точки зрения явно затронутых личных интересов, тогда как юрист подходит к делу с позиции зачастую не видных с первого взгляда интересов общественных. Конкретная точка зрения, отмечал либерал, неред-

²⁰ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 115.

²¹ Там же. С. 113.

²² Он же. Наши задачи. С. 4-9.

²³ Он же. В защиту права (Интеллигенция и правосознание). С. 132.

ко приводит к сочувственному отношению к преступнику, от чего неловко становится потерпевшему²⁴. Таким образом, либералы отмечали явное превалирование в российском общественном сознании нравственных норм над правовыми, что, по мнению мыслителей, являлось проявлением кризиса правосознания.

Либералы призывали интеллигенцию «честно и тщательно пересмотреть свой ...идейный багаж» и, прежде всего, изменить отношение к идее права²⁵. В частности, указывал Покровский, интеллигенция материалистического лагеря должна осознать, что, не признавая над интересами и классами никакой высшей этической инстанции, она тем самым проповедует социальное насилие, ибо разрешение проблемы столкновения интересов различных групп населения предоставляется исключительно борьбе, силе. «Всякий закон должен господствовать над всеми частными... и групповыми интересами», – утверждал Кистяковский²⁶. Задачей, касающейся как абсолютного большинства интеллигенции, так и масс либералы считали преодоление правового нигилизма, категорически отрицая оправдание последнего недовольством существующим порядком. Нецелесообразность или отсталость каких-либо законов, отмечал Шершеневич, не означает бесполезности правового порядка вообще, законы могут быть плохи, но без них еще хуже²⁷.

Необходимым условием формирования в обществе чувства законности либералы считали утверждение у властей всех уровней уважения к праву, безусловное соблюдение ими в практической деятельности принципа верховенства права.

Не последняя роль в процессе преодоления кризиса правосознания в России отводилась либералами сословию юристов, в число которых в начале XX века входил ряд выдающихся научных, государственных и общественных деятелей, по мнению Кистяковского, в значительной мере руководивших правовой жизнью страны.

Воспитание чувства законности в массах имело, по мнению идеологов нового либерализма, важное значение по ряду причин. Прежде всего, уровень правосознания, утверждали либералы, напрямую опосредовал функции права в государстве. Успех действия права в жизни, отмечал П.И. Новгородцев, обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается или в мертвую букву, лишённую жизненного значения, или в тяжкое бремя, сносимое против воли²⁸. Воспринимаемое таким образом право не могло гарантировать незыблемости правопорядка, а ведь прочный правопорядок, предполагающий неуклонное действие права, являлся, по выражению П.Б. Струве, «основным условием здоровья всякого государственного организма»²⁹. Помимо того, уровень правосознания, указывали либералы, находил отражение в правотворческой деятельности государства, поскольку лица, непосредственно осуществляющие данные функции, должны были считаться с базовыми правовыми установками общественного сознания, тем самым, правосознание выступало в роли ограничителя власти³⁰. В этом качестве правосознание было для либералов показателем развитости гражданского общества. Осознание своих прав, отмечал Петражицкий, позволяет человеку превратиться из подданного в гражданина, ставит человека наравне со всеми. «И «барин» – не барин, даже для лакея, когда дело идет о его (лакея) правах, если у него здоровое и сильное правосознание, – писал либерал. – Право «не взирает на лица», поднимает «малых» до высоты «великих» мира сего»³¹. Индивид с развитым правосознанием обладает чувством собственного достоинства, что, по Петражицкому, сообщает необходимую для жизни твер-

²⁴ Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности. С. 26-27.

²⁵ Покровский И.А. Указ. соч. С. 229.

²⁶ Кистяковский Б.А. Наши задачи. С. 5.

²⁷ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 7.

²⁸ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1896. С. 8.

²⁹ Струве П.Б. Право и права // На разные темы. (1893-1901). Сб. ст. СПб., 1902. С. 522.

³⁰ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-е. М., 1912. С. 144-145.

³¹ Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 131.

дость и уверенность, энергию и предприимчивость. А ведь именно от «типа» хозяев, от их «умения смело и уверенно задумывать и исполнять хозяйственные планы, полагаться на себя, а не на «авось», заключал либерал, зависит экономическое процветание государства³². Таким образом, либеральные мыслители обозначили важнейшую закономерность функционирования государственного организма: взаимосвязь правовой и экономической сфер жизни. Актуальность и справедливость данного наблюдения для современной России трудно переоценить.

Уважение к закону рассматривалось либералами как гарантия разрешения социальных конфликтов мирными, правовыми средствами, поскольку выбивало почву из-под ног у радикально настроенных сил, пытавшихся использовать толпу для достижения своих целей. Как отмечал Шершеневич, воспитанная на чувстве законности толпа внушительна, но не опасна, лишенная его – подобна лавине³³.

Для либеральных мыслителей уровень правосознания определял не только внутреннюю жизнь государства, но и его внешнее могущество³⁴.

Таким образом, в российской либеральной мысли начала XX века проблема правосознания получила всестороннее исследование как одна из значимых составляющих формирования и функционирования правового государства. Для либералов правовое государство было немыслимо без относительно развитого правосознания, без «веры в право». Либеральные деятели отстаивали идею взаимообусловленности двух важнейших признаков правового государства: верховенства закона и правосознания, особо подчеркивая ответственность власти за поддержание действенности и авторитета права. Именно в порочности правоприменительной практики либералы видели причину распространенности в российском обществе правоотрицающей идеологии. И в этом плане их мнение резко контрастирует с позицией современного исследователя истории российского либерализма А. Валицкого, объясняющего присутствие в российском общественном сознании антиправовых идей влиянием Запада, переживавшего на рубеже XIX – XX вв. глубокий кризис либеральных ценностей³⁵. Правота отечественных либералов в данном случае подтверждается событиями российской истории последних лет. Помимо правового нигилизма, чрезвычайно устойчивой оказалась такая характеристика российского правосознания, как правовой дуализм, выражающийся в сочетании в сознании индивидов позитивного и интуитивного права, причем зачастую при явном приоритете последнего.

Несмотря на некоторую односторонность трактовки понятия правосознания, либеральные мыслители фактически обозначили три его уровня: обыденный, профессиональный и теоретический.

Обращает на себя внимание подмеченная либералами связь между уровнем правосознания и устойчивостью самого правопорядка, являющегося необходимым условием внутреннего и внешнего могущества государства. Не утратило актуальности предостережение либералов о том, что низкий уровень правосознания населения может стать непреодолимой преградой для модернизации.

И, наконец, весьма современно звучат сегодня слова, сказанные либеральными деятелями столетие назад: «Не взаимной злобой и насилием возродится Россия, а уважением к праву, ограждением каждого самого слабого от посягательств сильного. Только через закон и в законе могут получить справедливое удовлетворение многообразные нужды народа»³⁶.

³² Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 133.

³³ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 22.

³⁴ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 7.

³⁵ Валицкий А. Указ. соч. С. 29.

³⁶ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1307. Л. 2 об.

IDEOLOGISTS OF RUSSIAN LIBERALISM OF EARLY XX CENTURY ABOUT LEGAL AWARENESS AS A BASIC ELEMENT OF A CONSTITUTIONAL STATE

V.V. VOSTRIKOVA

*All-Russian State
Distance-Learning Institute
of Finance and Economics
(affiliate in Orel)*

e-mail: vostr68@mail.ru

Interpretation of legal awareness problem in Russian liberal thought of the early XXth century is examined. The author demonstrates that legal awareness was also conceived as psychological phenomenon based on a sense of law formed due to a number of factors. Analysis of peculiarities of Russian legal awareness made by the liberals is presented. Negation of law is considered to be a characteristic feature of the latter. The author emphasizes the importance for Russian liberals to overcome law negotiation, to cultivate among the population respect for law as a socially disciplinary system. Liberals' idea of conditioned interaction between the sense of law level and supremacy of law in the society both being basic elements of a constitutional state is marked.

Key words: law, legal awareness, constitutional state, supremacy of law, negation of law, legal dualism, legal mentality, law enforcement, sense of law, liberalism.